

Выразительные космогонические описания *Саши* показывают, насколько поэт далек от ортодоксально-христианских воззрений. Многозначителен и тон этих описаний, резко отличающийся как, скажем, от патетического или лирического тона Ламартина и Виньи, так и от сатирического тона, используемого при соответствующих описаниях Байроном (например, *Видение суда*). Картины мира и космоса рисуются у Лермонтова двумя основными красками, не исключаящими, конечно, богатства оттенков и полутонов. Это лиризм и ирония, сочетание которых является и основной чертой стиля Лермонтова, особенно в Последние годы его творчества::

... Верить я готов,
 Что наш безлучный мир — лишь прах могильный
 Другого, — горсть земли, в борьбе веков
 Случайно уцелевшая, рукою сильной
 Заброшенная в вечный круг миров.
 Светилы ей двоюродные братья.

.....
 А дай сойтись, так заварится каша
 В кулачки, и... прощай, планета наша

Поэт и здесь не отказывается от использования традиционных романтических образов:

И пусть они блещут до той поры,
 Как ангелов вечерние лампы
 Придет конец воздушной их игры,
 Печальная разгадка сей шарады...

Лиризм и ирония подчеркивают художественную природу этих образов, явно приобретающих характер символов, наполняющихся тем или иным значением в зависимости от настроения и душевного состояния поэта. Не случайно в другом месте Лермонтов прямо указывает на это, описывая одинокий крест, «любви символ ненарушимый», и сменяя его лирическое утверждение неожиданным отрицанием:

Но нет, к чему мне слушать плач людской?
 На что мне черный крест, курган, гробница? ...

И, в своем отказе от ортодоксального христианского наполнения этих символов доходя до отрицания их самих, рисует далее картину, раскрывающую скорее пантеистическое мирозерцание:

Пусть отдадут меня стихиям! Птица,
 И зверь, огонь, и ветер, и земля
 Разделят прах мой, и душа моя
 С душой вселенной, как эфир с эфиром,
 Соляется и развеется над миром!